
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеоисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундужева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Т. Б. Тагарова

Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием

Автор обращается к художественному стилю известного бурятского драматурга Д. Батожабая. В статье описываются фразеологические единицы, присутствующие в языке персонажей пьес этого автора. Обзорение функционирования фразеологических единиц бурятского языка показывает универсальность ряда теоретических положений, выдвинутых отечественными и зарубежными учеными-лингвистами.

Ключевые слова: бурятская фразеология, драматургия, фразеологическая единица, стилистика, разговорные конструкции, адгерентная выразительность.

Бурятская фразеология изучалась достаточно интенсивно. Основу исследованию фразеологии бурятского языка положили Т. А. Бертагаев (1949), Ц. Б. Будаев (1970), Ш.-Н. Р. Цыденжапов (1989, 1992), Д. Л. Шагдарова (2003). Ценен труд Г. Ц. Пюрбеева (1972) по фразеологии монгольских языков.

Известно, что единой точки зрения на определение сути фразеологической единицы до сих пор в языкознании нет. Ш. Балли сделал первую попытку последовательной классификации фразеологических единиц, различив два основных типа устойчивых словосочетаний: «1) когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) когда слова, в силу того что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании» [Балли, 1961. С. 89].

Акад. В. В. Виноградов впервые определил предмет и задачи исследования фразеологии как особой отрасли языкознания, дал характеристику наиболее типичным разрядам фразеологических единиц (ФЕ) русского языка.

На семантическую классификацию фразеологических единиц акад. В. В. Виноградова современная наука опирается до сих пор. Фразеологические единицы подразделяются по степени семантической спаянности элементов словосочетания, по мотивированности включения их в словосочетание на несколько групп: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [Вакуров, 1983. С. 23—30].

Классификацию фразеологических единиц по семантико-грамматическим признакам дал Т. А. Берта-

гаев. Фразеологическими единицами Т. А. Бертагаев называет «сочетания слов, синтагмы, предложения, выражающие единое, целое понятие и социально (нормативно) установившиеся в языке в этой роли. Иначе говоря, лексикализованное сочетание слов и есть устойчивая фразеологическая единица» [Батожабай, 2007. С. 64].

Существуют разные определения этой языковой единицы. Например, Ц.-Д. Б. Будаев пишет: «Под фразеологическим оборотом подразумевается воспроизводимая в речи общеупотребительная (во всеобщей или более узкой сфере) языковая единица, состоящая не менее чем из двух знаменательных слов и целостная по своему значению» [Борисова, 1970. С. 6].

Фразеологическая стилистика бурятского языка находится только в начале своего развития. Вследствие этого мы обращаемся к трудам по стилистике таких отечественных ученых, как: В. В. Виноградов [1977], Л. Д. Шагдаров [1974], И. А. Федосов [1977], А. М. Мелерович [1979], А. И. Федоров [1995], Н. М. Шанский [1996], Д. Д. Санжина [2000; 2007] и др.

Известна классификация ФЕ Н. М. Шанского с точки зрения экспрессивно-стилистических свойств [1972; 1996]. Так, им выделяются «межстилевые» («простые наименования явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они экспрессивно не окрашены и общеупотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные» [Шагдаров, 1974. С. 251]) «разговорно-бытового характера», преимущественно или исключительно употребляемые в устной речи, со «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласки, бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т. д.

[Там же. С. 252]), фразеологические обороты «книжного характера», преимущественно или исключительно употребляемые в письменной речи, с «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д. [Там же. С. 253]).

Важным для нашей работы является замечание Н. М. Шанского о творческом подходе писателей и публицистов к использованию ФЕ, когда приемы их употребления могут быть самыми различными. Фразеологические обороты могут использоваться в определенных стилистических целях, как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным смысловым значением, обновленной структурой или новыми экспрессивно-стилистическими качествами [Там же. С. 256]. Надо заметить, что в бурятской фразеологии эта проблема еще не разрабатывалась, кроме как в работах автора этих строк.

Отмечаются такие приемы новаторства писателей, как наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности, обновление фразеологического оборота путем замены одного из его компонентов синонимом, образование по существующей модели новых индивидуально-художественных оборотов, употребление фразеологического оборота одновременно и как свободного, и как фразеологического, контаминация, сталкивание ФЕ и одного из образующих его слов в пределах одной фразы [Там же. С. 258—262]. Отметим, что иллюстрацией приведенных приемов являются контексты из поэзии и прозы.

Труд Л. Д. Шагдарова явился знаменательным этапом в развитии бурятской стилистики, осветив широчайшие возможности языковых единиц как стилистических ресурсов, таких как лексика, синтаксис, словообразование и морфология. Им впервые выделены функциональные стили бурятского литературного языка. ФЕ приводятся в параграфе о семантико-стилистических ресурсах бурятского языка [Цыденжапов, 1989. С. 133—164] в связи с характеристикой переносного значения. Специального описания ФЕ нет, но имеются примеры ФЕ, которые демонстрируют образование фразеологического значения на основе переноса семантики компонентов.

Всестороннему стилистическому анализу подверг материал фельетонов В. Н. Вакуров [1983]. Им выявляются многообразные способы и приемы использования ФЕ: 1) без изменения их семантики и структуры (узусное употребление); 2) с изменением (обработкой, трансформацией, деформацией) семантики и структуры (оказиональное употребление) [Бурятско-русский... 1992. С. 61]. В. Н. Вакуров рассмотрел в рамках ингерентной (общезыковой) выразительности изобразительно-оценочные и изобразительно-живописующие функции ФЕ [Там же. С. 62—68] адгерентной (связанной с определенным образом организованной последовательностью ФЕ и соседствующих с ними контекстных средств) выразительности — иплификация, антитеза, столкновение ФЕ с

общим компонентом [Там же. С. 73—99]. Опираясь на высказывание Л. В. Щербы «Речевая деятельность... в принципе является речетворчеством, обусловленным правилами языковой системы» [Щеглова, 1984. С. 104], исследователь пишет, что именно речевые изменения и обусловили относительную устойчивость ФЕ, выраженную в их способности варьироваться [Бурятско-русский... 1992. С. 107]. Таким образом, ФЕ могут употребляться с изменением как семантики, так и структуры. В стилистических целях авторы могут заменить один компонент ФЕ, сократить его, распространить и т. д. Все эти преобразования позволяют автору выразить свое отношение к изображаемому, интенсифицировать образно-метафорическое и эмоционально-оценочное значение ФЕ, а также конкретизировать фразеологическое значение применительно к теме, к уникальной ситуации.

Так языковое средство становится стилистическим, получая стилистическое значение в процессе образования с его участием стилистического приема [Виноградов, 1977. С. 83—84].

В настоящее время автором этих строк сделана попытка создания небольшого учебного пособия по бурятской фразеологии в свете стилистики [Тагарова, 2008. С. 6]. Мы придерживаемся широкой точки зрения на фразеологию, включая в объем фразеологии кроме идиом также и пословично-поговорочные выражения, т. к. они обладают всеми теми качествами, которые присущи фразеологической единице. При исследовании фразеологических процессов в бурятском языке мы исходим из следующих положений:

1. Фразеология — один из важнейших уровней семантической системы языка, образующийся в результате закономерных связей лексических единиц, и вербализующий фрагменты многообразных предметов и явлений реального мира, большая часть которых требует субъективно-оценочного отношения к себе.

2. Фразеологической единицей является стилистически маркированное несвободное словосочетание, характеризующееся семантической спаянностью компонентов, устойчивостью значения и лексического состава, которое как актуализация образного восприятия этносом реальной действительности образуется транспозицией значения либо всех составляющих фразеологизм компонентов, либо одного из компонентов. Семантическая транспозиция словосочетания в комплексе с такими качествами, как устойчивость, смысловая целостность, воспроизводимость, создает качественно новое значение (фразеологическое), которое является главным дифференциальным признаком ФЕ. Однако наблюдения показывают, что устойчивость ФЕ не абсолютна. Она лишь ограничивает возможность новых транспозиций значения ФЕ.

Так как функционирование фразеологических единиц в языке и речи еще не рассматривалось в бурятском языкознании, мы решили обратиться к художественному стилю [Сахновский-Панкеев, 1964], сделав попытку описания ФЕ как стилистического

средства. Интерес вызывает в этом плане, конечно, и такой жанр, как драматургия, язык которой до сего времени еще не исследовался.

Язык пьес Д. Батожабая, без преувеличения, может послужить пособием для создания новых произведений. Содержательное своеобразие драматических произведений Д. Батожабая — постижение духовно-нравственного мира современника. Его драмы «Зүрхэнэй шарха» («Сердечная рана»), «Эхэ тухай домог» («Легенда о матери»), «Модон шоро» (букв.: «деревянный вертел», перен. «Злой рок, судьба»), комедии «Залинта аадар» («Гроза»), «Урбаанай уршагта ябадалнууд» («Незадачливые приключения Урбана») и др. поднимают социальные и нравственные проблемы. При этом особое место в драме занимают этнически выразительные возможности.

По языку и, в частности, по фразеологии русского драматического текста известны работы В. Сахновского-Панкеева [1964], М. Б. Борисовой [1970], Г. Н. Щегловой [1984] и др.

Так, интересно исследование А. Г. Ломова [1982], выявляющего процесс «фразеологизирования» текста пьес А. Н. Островского, когда насыщение его фразеологическими единицами происходит и за счет субституции лексических единиц (хорошо — слава богу, почему? — с какой стати? и т. д.), что привносит в текст живость, разговорность [Козина, 1993. С. 11]. При этом им отмечается, что лексемы и ФЕ не равнозначны семантически (плачут — волком воют и т. д.). В анализе языковых особенностей произведения руководством может послужить мнение такого ученого, как А. М. Мелерович: «При лингвостилистическом анализе речевые средства художественного произведения предстают как целостная система взаимообусловленных элементов, подчиненная авторскому замыслу. Содержание и стиль художественного произведения неразрывны» [Ломов, 1982. С. 72—79]. Отмеченное исследователем М. Б. Борисовой разное осмысление языковых единиц в связи с социально-психологическим обликом персонажей в драматургии М. Горького [Бартагаев, 1949. С. 11—12] справедливо также и по отношению к языку Д. Батожабая, великолепного знатока народного языка.

О жанровых особенностях драматургии писал известный бурятский филолог В. Ц. Найдаков: «Даже умозрительно, в плане чисто теоретическом, невозможно представить себе хорошую пьесу, лишенную борьбы характеров, чувств, страстей, идей. Человеческая личность, характер, являющийся главным в пьесе, может раскрыться, проявиться только в действии. Действие же обязательно предполагает борьбу. На сцене незачем появляться человеку, который не действует. Если же он действует, то совершает определенные поступки, защищает определенные убеждения, опровергает противоположную точку зрения и т. д., т. е. ведет активную борьбу во имя каких-то определенных целей. Если же этого нет, то нет пьесы, какими бы другими достоинствами она ни обладала» [Мелерович, 1979. С. 95].

Отсюда речь героев характеризуется эмоциональностью, высокой экспрессией, обилием восклицательных, вопросно-ответных конструкций, разгово-

рных элементов, реплики зачастую имеют побуждающую интонацию. Специфика языка драматического произведения заключается в том, что текст состоит из диалогов и монологов, речь персонажей является одновременно и действием.

Насыщение текста ФЕ, наблюдаемое в речи действующих лиц, связано со стремлением автора усилить эмоционально-экспрессивный тон реплик. Надо отметить чрезвычайно большую роль контекста в определении значения ФЕ, ибо в диалогической речи ФЕ в большой степени наполняются новым содержанием, отвечающим замыслам автора в одном конкретном эпизоде, раскрывающем характер персонажа, ситуации.

Поскольку контекстуальная этимологизация ФЕ повышает экспрессию, выразительность текста, то можно считать это стилистическим приемом. Например, часто встречается употребление ФЕ в одном контексте с синонимами, выполняющими функции уточнения и замещения. По сравнению с прозаическим текстом, здесь более интенсивно выражена такая функция ФЕ, как установление связи с предыдущим высказыванием, репликой. А также в языке пьесы чаще, чем в прозе, используются ФЕ с эмоционально-экспрессивной оценочностью.

Введение ФЕ в специально организованный контекст позволяет подчеркнуть образно-эмоциональные и функционально-стилистические свойства фразеологизмов, актуализировать их. Так, выявляется такой стилистический прием, как соположение ФЕ с синонимичными словосочетаниями:

1. При соседстве с другими ФЕ в одном синонимическом ряду полнее раскрываются и значение, и, отчасти, внутренняя форма. Например:

1) — *Зай, амаа хабша...*; — *...Хэлээ хазаад ябахая бодоорой!* [Батожабай, 1981. С. 61]; — *...Үргөө хабшал даа!* — *Хэлээ хагал даа, золг!* [Там же. С. 70—71]. В приведенных контекстах *амаа хабша*, *үргөө хабша* (букв.: ‘рот, челюсти сомкни’) — варианты, *хэлээ хаза* (букв.: ‘язык прикуси’) — синоним ≈ ‘рот заткни». Их объединяет одно значение — ‘замолчать’. Напомним, что в бурятском языке существует *амаа тагла* — ‘рот заткни’.

2) — *...Үбгэн толгоймнай хүдэлдэшио. (Хургаараа толгойгоо тонионо). Эндэхи шүрэбүүдынь хуладашио!* [Там же. С. 136]. Здесь *толгой хүдэлдэшио* (букв.: ‘голова сдвинулась’) и *шүрэбүүдынь хуладашио* (букв.: ‘шурпы расслабились’) имеют значение ‘умом тронуться’. Отметим, что ремарка указывает на символический жест говорящего, стучащего пальцем по голове.

3) — *Энэнэй билдагууша нюур, худалша үргэн хоёрын бултанһаа урид бил тухайлаа нэм!* Слова *билдагууша нюур* (‘лицемер’) и *худалша үргэн* (‘лживый язык’) также относятся к одному концепту — концепту обмана, т. е. в контексте эти ФЕ синонимичны. Одно выражение уточняет и дополняет другое. На этой же странице встречаем ФЕ, также относящуюся к этому же семантическому полю

...булхайшину булугаараа гарашабал даа! (164) (букв.: 'обман твой через головку бедренной кости вышел').

4) —... Гэм зэмэтэмнай балишса баригдашабал! Мэхэнь мэнгээрэн хоолойдоо торошобо. ...Ши энэ-эгээр хүнэй нюдэ халхалхагүйш! (204) — 'Преступник пойман с поличным! Раскрылся его обман. ...Ты этим глаза не застишь!' Отчетливо просматривается, что выражения *балишса баригдаша* ('быть пойманным с поличным'), *мэхэнь мэнгээрэн хоолойдоо торошобо* ('обман в дыхательном горле застрял'), *нюдэ халхалха* ('глаза застит') принадлежат к одному семантическому полю, или к одному концепту — концепту «обман».

5) —... Арад зонойнгоо хүзүү мүлжэһэнтнай багадаад, шуһыень хорохоёо ханаа гүт? [Там же. С. 221] — 'Мало грызли шею народа, хотите кровь высосать?' Здесь синонимичны ФЕ *хүзүү мүлжэхэ* (букв.: 'шею грызть') и *шуһыень хорохо* (букв.: 'кровь сосать') и т. д.

6) — Танай хаихархада, сожоошые татанагүйб! — Минишиые ханяадаһан хүрэнэгүй [Там же. С. 34] — 'Когда вы кричите, меня это несколько не трогает! — Да и мне не хочется кашлять'.

Вторая реплика представляет собой усеченный вариант ФЕ *энеэдэн ханяадан болуужа* 'как бы смех не превратился в кашель', выражающей предостережение. При преобразовании структуры меняется семантика: ≈ 'чихал на вас!' Отметим значение предыдущей ФЕ *сожоошые татахагүй* ≈ 'и в ус не дует'.

2. ФЕ вступает в окружение с несинонимичными словосочетаниями, которые также способствуют вскрытию и семантической стороны, и внутренней формы ФЕ:

1) — Гэрэлэй үгэ юмэндэ бү тооло! хагиуурта уһа хэһэнһээ өөрэгүй харьяжал ябаа бэээ (33) — 'Не принимай всерьез слова Гэрэл! Не хуже сита воду льет'. ФЕ *юмэндэ бү тооло* 'не считай за что-то стоящее' уточняется ФЕ пренебрежительного оттенка *хагиуурта уһа хэһэнһээ өөрэгүй*. Здесь можно предположить, что *харьяжал* представляет собой компрессию, результат усечения ФЕ *хамар доро хархай аман байнал гэжэ харьяха* (букв.: 'болтать, что есть рванный рот под носом').

2) —... Өөрын хүн гэшиш. Тохир хурган аман тээшээ гэһэн юм (174) — ФЕ *өөрын хүн* ('свой человек') и *тохир хурган аман тээшээ* ('кривой палец к своему рту') относятся к одному семантическому полю, выражая значение ≈ 'своя рубашка ближе к телу'.

3) — Тэдэ хоёртнай хүнэй нюдэ далдалжа хэрлэдээд, үнэн дээрээ үлхөөтэй хоёр бөөрэнүүд байһан байха (41) — 'Они двое, засты глаза людям, сделали вид, что поссорились', на самом же деле это связка почек (≈ 'пара сапог'). В художественном контексте могут выступать в роли синонимов ФЕ, которые в узусе таковыми не являются. Здесь, думается, отрицательно-оценочные ФЕ *нюдэ далдалжа* 'застить глаза' и *хоёр бөөрэ* 'две почки' в данном контексте относятся к одному концепту — «обман». Здесь ФЕ предстают в исконном виде.

3. ФЕ ставятся в соседство с антонимами, которые усиливают, интенсифицируют значение:

1) — Ши хороной хорондо, энэ завод дээрээ эрхим хайнаар ажалла! Үлүү газар үргөө бүлюудэшэдэй амыень тагла... (31) — 'Ты назло всему на этом заводе работай лучше всех! Заткни рот тем, кто слишком много точит лядсы...'.

ФЕ *амыень тагла* 'заткни рот' — постановка цели герою, который должен хорошо работать, чтобы о нем не говорили плохо. Предваряется это выражение антонимичной ФЕ *үргөө бүлюудэхэ* ≈ 'лясы точить'. Здесь наблюдается возрастающая амплификация, т. е. явление усиления напряжения содержания — сначала «назло всем» (*хороной хорондо*), затем «отлично работай», далее — кто-то слишком много «лясы точит» и в конце резкое — «заткнуть им рот».

4. Сочетание нескольких ФЕ — прием нанизывания ФЕ:

1) —...Та, Морхой, хүнжэлэйнгөө хэмжүүрээр хүлөө жишжэ һурагты. Тэрэ суглаан дээрэшни шини гуулиие гаргаа хаамни, морхогор хамар дээрэшни хүн бүхэн хадааһа сэхэлхэнь сохом [Там же. С. 36] — 'Вы, Морхой, по размеру одеяла ноги протягивать учитесь. Если бы я на том собрании открыл твой истинный облик, то на твоём горбате носу уж точно каждый выпрямлял бы гвозди'. Нанизывание: *хүнжэлэйнгөө хэмжүүрээр хүлөө жишжэ* ≈ 'ножки протягивай по одежке', *гуули гаргаа* ≈ 'открыть всю подноготную', и завершающая контекст ФЕ *хамар дээрэ хадааһа сэхэлхэ* усиливает экспрессивность всего высказывания, иначе говоря, отмечается прием возрастающей амплификации.

2) — Гошка Юсуповай ямархан хамар байһаниие үшөө хазажа узөөгүй байнаш. Хожом шүдэнэйнгөө холторходо, минии хэлэһые шаналхал байха! Солхобой утые намнажа ошоһон Юсуповай Яхад дээрэ сэнгэжэ ябахадань, яһа шуһанһаа шамда үнэн сэхэ намайе намнажа байна гүш? (179) — 'Ты еще не раскусила, что за орешек Гошка Юсупов. Потом пожалеешь, когда зубы поломаешь! Юсупов уехал за длинным рублем, там в Якутии гуляет, а ты прогоняешь меня, преданного тебе всей душой?' (перевод наш. — Т. Т.). Трансформированные кальки русских ФЕ 'крепкий орешек' *Ямархан хамар байһаниие үшөө хазажа* и *солхобой утые намнажа* 'за длинным рублем'; бурятские *шүдөө холторхо* 'зубы обломать', *яһа шуһанһаа үнэн сэхэ* 'предан всей душой' представляют собой нанизывание ФЕ.

5. Повтор ФЕ не только уточняет мысль, но и увеличивает ее эмоционально-впечатляющую силу. Повтор ФЕ может встретиться в монологе одного героя:

1) — Нэрээ хухаранхаар, яһа хухара гэһэн юм... теэд минии нэрэ хоёр болотороо хухараа гээшэ гү, али миин гантаа гээшэ гү? (46) — 'Сказано, лучше кости сломать, чем имя... а вот мое имя сломалось надвое, или просто треснуло?'.

В размышлении героя ФЕ повторяется в преобразованном виде, что также привлекает внимание новизной семантики и структуры.

2) — ...Үбэлэй хүйтэн соо улаан гараараа шүрэб мушхажа ябааб гэхэээ ханааш. — Тиигээд? —

...*Убэлэй хүйтэн соо түмэр шүрэм улаан гараараа муухажса үзөөгүй хүниие манай гүрэн соо бэдэрхэ хэрэгтэй* (151) — ‘Ты хотел сказать, что в зимнюю стужу голыми руками закручивал шурупы. — И что? — Нужно поискать в нашей стране людей, которые не закручивали бы голыми руками шурупы’.

Повтор подчеркивает мысль о трудностях работы в тяжелых условиях.

3) — *Тишэдэнь би, хүдөөгэй шархи... — Шархи? Хүдөөгэй? ...Шини «шархи» болоо хаа, үбгэрхэн далай хэн болохо болоноб? ...ши эды наһандаа шархи болохо болоо хаа...* [Там же. С. 143] — В ответной реплике неоднократный повтор компонента ФЕ *хүдөөгэй шархи* ‘стоптанный башмак’, в просторечии — ‘дерёвня’, помогает выразить сильное душевное волнение персонажа.

4) — *Тэрэ эхышнни хүхэнэй хүмбэй урал дээрэһээшнни хатаагүй юм даа! — ...Урал дээрээ уурагтай үхибүүдтэ бү үгөөрэй! — Нээрэл урал дээрэһээшнни уураг хатаагүй байна даа!* (59) — В данном контексте повторяется ФЕ, эквивалентная русской ‘молоко на губах не высохло’ также в измененном виде, что придает большую выразительность контексту. ФЕ, повторяясь, поддерживает связь с предшествующей репликой, что характерно для диалогической речи.

5) — *Худал! Энэ үгынтнай үнэн байгаа хаа, тэмээнэй һүүл газарта хүрүүжэ, тэхын эбэр тэнгэридэ хүрүүжэе! — Яагаа сэсэн хүмта даа! Тишгэбэл ямаанай һүүлэй тэнгэридэ хүрэхьень харялиши даа!* (68) — ‘Это ложь! Если эти ваши слова — правда, то пусть верблюжий хвост земли достигнет, козла рога до неба дойдут! — Какие вы мудрые! Тогда посмотрим, как козий хвост неба достигнет!’

Этот диалог сводится к состязанию в остроумии, говорящие прибегают к образным ФЕ, строя фантастические картины, оспаривая друг друга. При этом наблюдается творческое преобразование ФЕ — лексическая замена, изменение структуры.

6) — *Ушаргүйгөөр намайе бү баалагты, урданай юумэ ула болоо. — Харыт, урданай юумэ ула болоо гэхьень!* (177) — ‘Не уговаривайте меня, старое ушло в прошлое. — Смотрите, говорит, старое ушло в прошлое!’

Повтор в ответной реплике подчеркивает неприятие сказанного.

7) — *Үтэлһэн үлэгшэн, үргөө хабша! — Хабшахагүйб! Бури бухалышнни бултынъ гаргахаб. ...Энэтнай нюуртаа үһэтэй, нюдэндөө хоротой хүн. һайнда һайбар жороо, мууда модон мунса гээшэ. Тишгээд лэ мухар мунса гээжэ нэрэтэй ха юм!..* (197) — ‘Старая сука, сомкни челюсти! — Не сомкни! Я выведу на свет весь твой обман. ...Это человек с ядом в глазах, без стыда и совести (с лицом, заросшим волосами). Как говорится, хорошему хороший иноходец, плохому деревянная колотушка (дубина). Поэтому его и зовут тупой дубиной!..’

Здесь ответная реплика насыщена народными выражениями, что связано с социально-психологической характеристикой героини — пожилой женщи-

ны из простого народа. Ее речь полна негативно-оценочными ФЕ по отношению к отрицательному герою пьесы с говорящим именем Мухар Мунса.

8) — *Бахын ханаан далайда гэхэнһээ удхатай, шини ханаан Яхадта болошоо гү?* (179) — ‘Как, говорят, лягушка помыслила в море, так твои мысли в Якутии?’

Отметим начальную форму ФЕ: *Бахын ханаан далайда, бандиин ханаан хэрэмдэ*. Индивидуально-авторское преобразование, или трансформация путем замены половины исконной ФЕ новым словосочетанием, конкретизирует значение применительно к ситуации, в то же время усиливается экспрессивность контекста. В данных примерах связь реплик осуществляется посредством повтора ФЕ в полной форме или одного компонента.

6. Вставка модальных ФЕ выражает отношение говорящего к какому-либо персонажу:

1) — *Шүдхэрөө тэрэ мэдэбэ гээшэб! Улаан сурбадаа дарагдашаһан тэрэшнни, хониной тархи шанжа эдихэхээ бэшэ юумэ мэдэхэгүй* (70) — ‘Да ни черта он не знает! Задавленный оравой детей, ничего другого не знает, кроме как варить и есть баранью голову’.

2) — *...А-а, шүдхэр мэдэб, архинишадай нэгэн ха...* (183) — ‘А-а, черт его знает, один из пьяниц, кажется...’

7. Аллитерация и ритмизация также может быть приемом усиления экспрессии ФЕ, используемых как средство психологической разрядки говорящего:

Өөхэн соохи бөөрэ (76) — ‘почки в жиру’; ... *Тэнэгэй тэнэ! тэхын мухар һүүл...*! (148) ‘Дурак из дураков! козлийный куцый хвост!’ — *Энэ шүдэгүй шүдхэрнай* (182) — ‘Этот беззубый черт’; ... *Тэрэтайшые тэхын хууханаг гээшэ* (220) — ‘Это мошонка козла ведь’; *Тэнэг, хамараа үтэһэн тэхэ!?* (221) — ‘Глупец, с зачервивевшим носом козел!’ и т. д.

Известно, что для разговорных конструкций характерно употребление ФЕ в основном как узуальных единиц, в их изначальном значении. Вместе с тем адгерентная выразительность ФЕ, представленная в пьесах, связана с тем, что язык рассматриваемых произведений литературно обработан, т. е. писатель имеет возможность досконально обдумать все фразы, все художественные средства, в том числе фразеологические единицы, используя их в стилистических целях, применяя к ним особые приемы включения в контекст.

Отметим также, что все приемы использования ФЕ в контекстах (постановка ФЕ в определенные позиции — с синонимами, с близкими или противоположными по значению ФЕ или свободными словосочетаниями и словами, с повтором и т. д.) нацелены на усиление экспрессивности, выразительности текста, на привлечение внимания читателя, зрителя. Особенно прием возрастающей амплификации в полной мере демонстрирует эмоционально-экспрессивную окраску диалогической речи, подхвата реплики. Главная функция ФЕ — это, конечно, выражение мысли, ее уточнение, а также выражение

отношения к окружающим реалиям, к персоналиям, к высказываниям.

Стремление к экспрессии вызывает высокую частотность разговорных ФЕ отрицательно-оценочного характера, в основу которых легли образы животных, частей тела, названия болезней, т. е. одни из

древнейших языковых единиц. В целом обозрение функционирования ФЕ бурятского языка еще раз показывает универсальность теоретических положений, выдвинутых талантливыми отечественными и зарубежными учеными-лингвистами.

Литература

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
 Батожабай Д. Б. Зүжэгүүд. Улаан-Удэ, 1981.
 Батожабай Д. Б. Булхай булугаараа гараба. Улаан-Удэ, 2007.
 Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. На материалах современного бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1949. Вып. II.
 Борисова М. Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов, 1970.
 Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка / Отв. ред. Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1970.
 Бурятско-русский фразеологический словарь / Сост. Ш. Р. Цыденжапов. Улан-Удэ, 1992.
 Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц. На материалах советского фельетона. М., 1983.
 Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М., 1972.
 Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
 Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
 Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учеб. для пединститутов. 3-е изд. М., 1993.
 Ломов А. Г. Фразеология в рукописях А. Н. Островского (1 ч.): Тексты лекций / Отв. ред. Ю. Ю. Авалиани. Самарканд, 1982.
 Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учеб. пособие. Ярославль, 1979.
 Найдаков В. Ц. Народ, время, писатель. Улан-Удэ, 1964.
 Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков / Отв. ред. Т. А. Бертагаев. М., 1972.
 Санжина Д. Д. Язык бурятской художественной литературы (лингвистическое описание лексики). Улан-Удэ, 2000.
 Санжина Д. Д. Бурятская лингвистическая стилистика. Средства лексики. Улан-Удэ, 2007.
 Сахновский-Панкеев В. О комедии. Л.; М., 1964.
 Тагарова Т. Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск, 2008.
 Тагарова Т. Б. Буряад хэлэнэй тогтоомол холбуулалнуудай найруулга: Учеб. пособие. Иркутск, 2008.
 Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А. А. Уфимцева. М., 1986.
 Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 Федосов И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов н/Д., 1977.
 Фразеологические единицы в языке бурятской прозы: словарь-справочник / Сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск, 2006.
 Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск, 1995.
 Цыденжапов Ш.-Н. Р. Фразеология романа Х. Намсараева «На утренней заре»: опыт исследования и словарь / Отв. ред. Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1989.
 Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка / Отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ, 1974.
 Шагдарова Д. Л. Сопоставительно-типологическое исследование лексико-фразеологических систем бурятского и русского языков (на материале переводов и двуязычных словарей) / Отв. ред. С. Ш. Чагдуров. Улан-Удэ, 2003.
 Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1972.
 Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие. 4-е изд. СПб., 1996.
 Щеглова Г. Н. Жанрово-стилевое своеобразие драматургии Леонида Леонова. М., 1984.
 Щерба Л. В. Опыт общей лексикографии // Изв. АН СССР, отдел. лит. и яз. М., 1940. № 3.

T. B. Tagarova

The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device

The author studies the artistic style of the famous Buryat playwright A. D. Batozhabay. This article describes the phraseological units in the language and speech of characters in his plays. The functioning of the phraseological units in the Buryat language, as shown by the author, proves the universality of theories put forward by Russian and foreign linguists.

Key words: The Buryat phraseology, drama, phraseological unit, stylistics, colloquials, adgerent-expressiveness.